



**Bobo Lo**

## **A Wary Embrace: What the China-Russia relationship means for the world**

Melbourne: Penguin Random House Australia, 2017

Еще недавно почти любая попытка обсудить российско-китайские отношения и их значимость со многими западными политиками, дипломатами или военными довольно быстро вызывала у них одну и ту же реакцию: “Вы слышали про книгу Бобо Ло “Axis of Convenience”? Вот почитайте, там хорошо объясняется, почему никакого партнерства между Москвой и Пекином быть не может”. Книга бывшего австралийского дипломата Ло “Axis of Convenience”, вышедшая в 2008 году, для многих на Западе стала эталоном монографии об отношениях двух крупнейших держав Евразии. С тех пор на нее ссылаются все, кто считает, что отношения Москвы и Пекина — это не стратегическое партнерство, а стратегическое притворство, и, несмотря на риторику, на самом деле Россия и Китай друг другу не доверяют, а разделяет их куда больше, чем объединяет.

Недавно у Бобо Ло вышла новая книга на ту же тему: австралийский Lowy Institute в апреле 2017 года выпустил его “Сдержанные объятия” (A Wary Embrace), где автор

возвращается к аргументам, сформулированным десять лет назад, и проверяет, насколько нынешняя реальность российско-китайских отношений соответствует его оценкам и прогнозам десятилетней давности. Книга компактная (текст вместе с примечаниями занимает всего 185 небольших страниц) и безусловно заслуживает прочтения. Среди работ по этой теме, вышедших в последнее время на Западе, книга Бобо Ло — просто образец здравомыслия: он мастерски избегает пренебрежительного и невежественного отношения к данному сюжету, столь характерного для многих читателей его первого труда, но не впадает и в паранойю относительно “авторитарной оси Москва-Пекин”, которая якобы стремится разрушить международный либеральный порядок и вот-вот в этом преуспеет. Анализируя развитие российско-китайских отношений начиная с 1991 года, сопровождая свои рассуждения марш-бросками в историю двух стран, Бобо Ло приводит детальные аргументы, чтобы доказать свой главный тезис: хотя Москва и Пекин действительно пере-

живают лучший в истории период своих отношений — однако ни о каком альянсе речи не идет. Западу же следует беспокоиться не о дружбе Владимира Путина и Си Цзиньпина, а о сохранении своей глобальной привлекательности и способности убедить мир в том, что он действительно привержен тем ценностям, которые декларирует.

Ближе к концу книги Бобо Ло вынужден пояснять, что центральный аргумент, сформулированный им в “Axis of Convenience”, большинство читателей поняли неверно — он совсем не хотел сказать, что отношения России и Китая поверхностные или хрупкие и что в их основе лежит исключительно тактика. Его тезис в том, что Москва и Пекин довольно успешно развивают сотрудничество и умеют сглаживать противоречия, но что такое положение дел не подразумевает ни стратегического совпадения интересов, ни совместных планов по выстраиванию альтернативного мирового порядка. Россия и Китай сотрудничают, потому что могут много выиграть от хороших двусторонних отношений и много потерять — от плохих. Этот аргумент, по словам Ло, остается верен и в 2017 году. Более того, предсказывает он, в будущем отношения между двумя странами вряд ли сильно изменятся в лучшую или худшую сторону: обе будут руководствоваться прагматизмом и каждая — собственным пониманием национальных интересов, и не станут искать консенсус ради консенсуса.

Изменения, которые фиксирует Ло по сравнению с ситуацией десятилетней давности, — это углубление экономических связей. Пик товарооборота был достигнут в 2014 году (китайские и российские данные расходятся, но объем торговли превысил планку в \$90 млрд); с тех пор из-за падения цен на сырье и экономических трудностей в России торговля вновь отскочила к отметке в \$60 млрд, однако глубина сотрудничества повысилась. Китай продолжает быть для России главным торговым партнером после ЕС, РФ стала главным поставщиком нефти в КНР, а кредиты китайских банков помогли увеличить объем займов для российских компаний, сильно сократившийся после введения западных санкций. Другая важная трансформация — это

укрепление военного и особенно военно-технического сотрудничества. До украинского кризиса Москва была крайне осторожна в продаже Китаю новых образцов современной военной техники, опасаясь нелегального копирования, будущей конкуренции с китайским ВПК на рынках третьих стран, а также возможного использования российской техники в гипотетическом конфликте между Москвой и Пекином на Дальнем Востоке. Однако конфликт 2014 года изменил эту политику, так что вскоре Китай стал первым иностранным покупателем самой современной системы ПВО С-400, а затем и новейших истребителей Су-35. Несмотря на эти сдвиги, отмечает Ло, характер отношений России и Китая не изменился — в них по-прежнему доминирует транзакционный подход, и прагматичный расчет полностью подменяет желание искать консенсус и делать уступки. А потому, хотя Москва и Пекин за последние десять лет стали ближе друг к другу, чем когда-либо с момента распада СССР, о возникновении нового полюса в мировой геополитике речь все же не идет.

С главным выводом автора сложно не согласиться, а на фоне черно-белой картинке российско-китайских отношений, которую обычно получают западные читатели, анализ Бобо Ло — это картинка формата 3D. Один из секретов — работа с данными. Автор очень внимательно читает все открытые публикации по российско-китайским отношениям на английском, что видно из ссылочного аппарата, и тщательно сверяет данные. Ло — русист и по-китайски не говорит, а потому свое понимание Китая и его поведения в отношении России черпает из вторичных источников, но и тут остается исключительно трезвым и адекватным, избегая большинства распространенных стереотипов.

И все же отсутствие источников на русском и китайском (хотя, возможно, это просьба издателя) и тот факт, что Бобо Ло не дополнил собранный материал собственными интервью (по крайней мере, ссылок на них в книге нет), делает анализ чуть более плоским, чем он мог бы быть. Ведь даже для российских китаистов или китайских русистов, владеющих обоими языками, многие реалии

взаимодействия РФ и КНР остаются неведомыми, а потому все общедоступные цифры, на основе которых строятся многие выводы, следует проверять “в поле”. Так, например, расхожая цифра о низких инвестициях Китая в Россию (\$13 млрд инвестиций, накопленных с 1991 года по состоянию на конец 2016-го), почерпнутая из официальной китайской статистики, не отражает реальность, поскольку не включает в себя сделки в офшорных юрисдикциях, — а ведь самые важные проекты “посткрымской” фазы сотрудничества, вроде инвестиций Sinopac в “Сибур” (его совладельцами являются Геннадий Тимченко, давний знакомый президента РФ, и Кирилл Шамалов, которого называют зятем Владимира Путина), оформлялись именно через офшоры. Реальная цифра ближе к \$40 млрд, и по крайней мере треть из этих денег пришла в Россию именно после украинских событий.

Но с подобными трудностями при сборе материала сталкиваются и те, кто вроде бы имеет возможность работать в обеих странах и интервьюировать людей на их родном языке, — тут все зависит от работоспособности и доступа к источникам, особенно высокопоставленным чиновникам и бизнесменам, и не в последнюю очередь, разумеется, от удачи исследователя. И все же, несмотря на некоторый недостаток первичных источников, общий вывод Ло, касающийся экономической части сотрудничества, справедлив: сотрудничество углубляется, но для России оно куда важнее, чем для Китая, и в то же время КНР как источник внешних доходов и инвестиций пока не может заменить России Европу.

Куда более важная проблема книги — это шкала сравнений. Ведь для того, чтобы понять, что же происходит в отношениях России и Китая и насколько динамика в этих отношениях важна (или не важна) для остального мира, надо понимать, с чем их сравнивать. И здесь Ло встречается с теми же проблемами, что и абсолютное большинство авторов, которые пишут сейчас о связях Москвы и Пекина. Автор совершенно разумно не задерживается на официальных заявлениях Москвы и Пекина о том, что “отношения двух стран испытывают лучший период за всю историю”. Это наверняка так, если учитывать, что история была

крайне непростая, сопровождавшаяся аннексиями, войнами и взаимной демонизацией на протяжении десятилетий. Ло достаточно искусен и для того, чтобы не заниматься все-речь разоблачением российской и китайской пропаганды, которая во время саммитов Путина и Си Цзиньпина расписывает отношения между двумя странами чуть ли не как фундамент нового миропорядка. Автор справедливо замечает, что у обеих сторон есть мотивы публично не только преувеличивать успехи сотрудничества, но и замалчивать проблемы или обходить острые углы.

Однако когда речь идет о целевой модели, по сравнению с которой партнерство России и Китая представляется “ограниченным”, Ло испытывает затруднения. Сравнить экономические отношения КНР и РФ с экономическими отношениями между Китаем и США или Китаем и ЕС — это разговор об апельсинах и яблоках. В случае тройки ЕС-США-Китай речь идет о трех крупнейших экономиках мира, связанных огромным количеством производственных и технологических цепочек, не говоря уже о гигантских объемах покупки Народным банком Китая американских казначейских облигаций, превышающих \$1 трлн. Совершенно понятно, что китайско-американский объем торговли значительно превышает торговый оборот России и Китая, и говорить, что для Китая Америка важнее, чем Россия, довольно бессмысленно: с одной стороны, это, безусловно, так. С другой стороны, никто не может заставить Китай сделать выбор — или с Вашингтоном, или с Москвой. Пекин как раз прекрасно умеет и поставить кабели для энергомоста в Крым, нарушив западные санкции<sup>1</sup>, и официально поддерживать территориальную целостность Украины. Так же и Москва не выбирает между Вашингтоном и Пекином, а пытается выстраивать то, что в Кремле называют “независимой внешней политикой”.

Еще больше вопросов возникает, когда недостаток стратегической глубины в отно-

<sup>1</sup> Это делает одна из китайских компаний по заданию Пекина. Несмотря на то, что санкции не введены ООН, они учитываются всеми компаниями (включая китайские), которые работают в ЕС или США. Для обхода ограничений было создано специальное юридическое лицо.

шениях Москвы и Пекина Ло объясняет тем, что каждая из стран действует в своих интересах и даже ради сохранения дружбы ни та, ни другая не идет на компромисс в тех областях, где интересы расходятся. Сравнивая российско-китайскую ось с глубиной отношений между США и их союзниками в Европе и Азии, автор приходит к банальному выводу: да, Москва и Пекин не могут так глубоко сотрудничать, как США и Великобритания. Но американские альянсы — единственная в своем роде вещь, по сравнению с которой любые военные связи кажутся поверхностными. Однако правомерно ли считать, что Россия и Китай в идеальном случае должны были бы стремиться к такой модели? Москва и Пекин ни в коем случае не хотят воевать друг за друга там, где у них нет общих интересов — у Китая нет ни малейшей охоты рисковать отношениями с Западом из-за российских интересов на Украине, Россия не будет влезать в проблемы Южно-Китайского моря, где, помимо КНР, сходятся интересы других партнеров РФ вроде Вьетнама или Малайзии. Выгоды от военных союзов, когда партнеры США должны были делить бремя кампаний в Афганистане и Ираке, для Москвы и Пекина не только недостижимы — они совершенно не очевидны. Россия и Китай не строят такой союз не только потому, что не доверяют друг другу, или потому, что не объединены едиными ценностями, а потому, что не хотят. Задачи обороны и проекции силы обе крупные страны решают самостоятельно, и единственный важный элемент сотрудничества здесь — торговля оружием.

Именно с сомнительной шкалой сравнительных критериев связана и одна из центральных мыслей книги — о растущей асимметрии отношений России и Китая как главной проблемы для будущего этих связей. Будучи русистом, автор верно чувствует тревогу России по поводу того, что КНР с каждым годом становится сильнее РФ. Но насколько эти эмоции реально мешают партнерству — вопрос, остающийся в книге без убедительного ответа. Бобо Ло считает, что Россия рассматривает себя в качестве одного из мощных полюсов нового миропорядка, и что эта позиция не совпадает с видением Китая, который

намерен быть либо единоличным лидером мира, либо влиять на глобальные вопросы на равных с США. Однако эта конструкция не находит подтверждения ни в открытых источниках, ни в глубинных интервью с представителями российской и китайской элиты. Например, еще в 2011 году в интервью трем российским телеканалам Владимир Путин говорил, что Россия не будет спорить с Китаем за мировое лидерство. “Здесь у Китая другие конкуренты. Вот пусть они между собой и разбираются”, — сказал он тогда. В глубинных интервью российские чиновники и крупные бизнесмены часто говорят, что подъем Китая их волнует, но что лидером мировой системы “как США” Китай стать не сможет, а для России важно сохранить способность действовать самостоятельно в тех вопросах, которые затрагивают ее жизненные интересы, — именно этот критерий будет отличать “великие державы” в многополярном мире, о котором мечтает Москва.

В глубинных же интервью с китайскими представителями, несмотря на часто проskalзывающее пренебрежение к России, не возникает ощущения, что у элиты КНР есть вера в то, что их страна будет мировым лидером — таким, каким была Америка после окончания холодной войны. Будущее мировое устройство видится им куда более сложным и асимметричным. В этом сложном мире у США и Китая будет самый большой объем двусторонней торговли в мире и глубокая взаимозавязанность элит, а также механизмы координации макроэкономической политики, но при этом Москва и Пекин будут сотрудничать по вопросам управления интернетом — так, как никогда не смогут сотрудничать с коллегами из Белого дома. Поэтому отношения России и Китая — вполне возможно, не “недосоюз” и не “квазисоюз”, а нормальная форма асимметричных взаимозависимостей между крупными странами в середине XXI века. По мере того, как американоцентричный мировой порядок будет уходить в историю, подобные отношения между крупными державами могут стать нормой, а не предметом высокомерных насмешек.

**Александр Габуев**